

Приключение в пустом доме

Весной 1894 года весь Лондон был взбудоражен, а весь высший свет потрясен загадочным убийством благородного Рональда Адэра. Полицейское расследование этого необычного преступления довольно подробно освещалось в прессе, однако дело это было настолько серьезным, что некоторые его подробности решено было утаить. Только сейчас, спустя почти десять лет, мне было позволено вынести на суд широкой общественности недостающие звенья сей поистине удивительной цепи событий. Преступление это само по себе было достаточно необычным, однако для меня величайшим потрясением стали те невероятные последствия, к которым оно привело, и я могу смело сказать, что подобного изумления и смятения я не испытывал никогда в жизни, хоть и повидал на своем веку немало. Даже сейчас, когда прошло уже столько лет, я вспоминаю те события с волнением и каждый раз заново переживаю невыразимое счастье, удивление и растерянность, которые охватили меня тогда. Я прошу публику, которая проявила интерес к моим небольшим очеркам о деяниях и помыслах одного замечательного человека, не винить меня за то, что мое молчание было столь длительным, ибо я посчитал бы своим первейшим долгом нарушить его и поделиться радостной вестью, если бы не строжайший запрет, прозвучавший из его собственных уст, запрет, который был снят совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Разумеется, близкое знакомство с Шерлоком Холмсом не могло не пробудить во мне глубокого интереса к разного рода тайнам и преступлениям, и после его исчезновения я с большим вниманием перечитывал колонки криминальных новостей в лондонских газетах. Иногда я даже пытался интереса ради применять на практике методы своего друга, увы, без особого успеха. Однако трагическая гибель Рональда Адэра взволновала меня сильнее других. Когда из газет я узнал, что следствие по делу о его убийстве так и не установило преступника или преступников, я как никогда раньше осознал, какой невосполнимой потерей для общества стала смерть Шерлока Холмса. В этом деле были определенные особенности, которые, я уверен, безусловно заинтересовали бы его, а раз так, действия полиции наверняка были бы дополнены или, что более вероятно, предвосхищены изошренной

наблюдательностью и искусственным разумом лучшего сыщика в Европе. Весь день, разъезжая по пациентам, я обдумывал это дело, но так и не находил объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить общеизвестные факты, я все же напомним суть дела в том виде, в котором оно было представлено публике после окончания следствия.

Благородный Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнута, в то время бывшего губернатором одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра вернулась из Австралии в Англию, где ей должны были сделать операцию по удалению катаракты, и поселилась с сыном Рональдом и дочерью Хильдой в Лондоне на Парк-лейн*, 427. Молодой человек вращался в высшем обществе и, насколько было известно, не имел ни врагов, ни каких-либо пороков. Он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстера, но за несколько месяцев до того их союз распался и помолвка по обоюдному согласию была расторгнута, о чем, судя по всему, не жалела ни одна из сторон. В остальном жизнь его протекала размеренно и спокойно, поскольку дурных привычек он не имел и по характеру был человеком тихим, уравновешенным. Однако странная смерть совершенно неожиданно настигла этого беззаботного юного аристократа, и случилось это вечером 30 марта тысяча восемьсот девяносто четвертого года между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр любил карты. Играл он много и азартно, но на риск не шел и никогда не делал крупных ставок. Он был членом трех карточных клубов: «Болдуин», «Ковендиш» и «Бэгетель». В последнем, как позже было установлено, в день своей смерти после ужина он сыграл один роббер в вист. Там же Рональд играл и днем. По показаниям тех, кто в тот день играл с ним — это мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран, — играли они именно в вист и карта шла всем примерно одинаковая. Адэр проиграл не больше пяти фунтов. Человеком он был состоятельным, поэтому подобный проигрыш не мог сильно расстроить его. Он играл в разных клубах почти ежедневно, но был игроком осторожным, благодаря чему обычно выигрывал. Следствие установило, что за несколько недель до своей смерти он, играя в паре с полковником Мораном против Годфри Милнера и лорда Балморала, за одну партию выиграл ни много ни мало четыреста двадцать фунтов. Это все, что было известно о последних неделях его жизни.

В день убийства он вернулся домой из клуба ровно в десять. Матери и сестры дома не оказалось — они были в гостях у родственников. По показаниям служанки, он вошел в большую комнату на втором этаже, которая обычно служила его гостиной. Служанка разожгла там камин и, поскольку он дымил, открыла окно. Ни звука не было слышно из комнаты до двадцати минут двенадцатого, когда вернулась леди Мэйнут с дочерью. Собираясь пожелать сыну спокойной ночи, она попыталась войти в комнату, но оказалось, что дверь заперта изнутри. На зов и стук ответа не последовало. Тогда она решила позвать слуг и взломать дверь. Войдя, они увидели несчастного молодого человека лежащим на полу у стола. Голова его была разнесена вдребезги револьверной пулей, но ни самого револьвера, ни какого-либо другого оружия в комнате обнаружить так и не удалось. На столе лежали две десятифунтовые банкноты и несколько серебряных и золотых монет общей суммой семнадцать фунтов десять шиллингов, которые были сложены в небольшие столбики по достоинству. На том же столе лежал лист бумаги с цифрами, против них — имена некоторых из его клубных знакомых, из чего был сделан вывод, что перед смертью он подсчитывал свои карточные выигрыши или убытки.

Тщательное исследование обстоятельств происшествия только усложнило дело. Во-первых, непонятно было, зачем юноше понадобилось запирается у себя в комнате. Была вероятность того, что дверь запер убийца, который потом выбрался через окно. Однако окно комнаты Рональда Адэра находилось довольно высоко, по меньшей мере в двадцати футах над землей, и к тому же прямо под ним была разбита клумба с цветущими крокусами, но ни на цветах, ни на земле не оказалось ни одного следа, как и на узкой полосе травы, которая отделяет дом от дороги. Все указывало на то, что дверь запер сам хозяин комнаты. Но как же он умер? Лезть к окну по стене дома, не оставив следов, было невозможно. Можно было предположить, что убийца стрелял через окно, но тогда пришлось бы признать, что это поистине выдающийся стрелок, поскольку нанести такую ужасную рану, стреляя из револьвера даже с близкого расстояния, крайне сложно. Парк-лейн — довольно оживленная улица, и примерно в ста ярдах от дома на ней расположена стоянка кебов, но выстрела не слышал никто. Однако труп был, была и мягкая револьверная пуля, которая, расплывшись, прошла через

голову несчастного Рональда Адэра, вызвав, очевидно, мгновенную смерть. Таковы были обстоятельства этого загадочного дела, которое осложнялось еще и полным отсутствием мотива, поскольку, повторюсь еще раз, у молодого Адэра не было врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я прокручивал в голове все эти факты, пытаюсь придумать хоть какую-нибудь версию, которая объединила бы их, и надеясь обнаружить ту точку наименьшего сопротивления, с которой, как часто повторял мой бедный друг, должно начинаться любое расследование. Признаюсь, старания мои не увенчались успехом. Вечером я вышел прогуляться в парк и около шести часов оказался на пересечении Парк-лейн и Оксфорд-стрит. По небольшой толпе зевак, которые, задрав головы, смотрели на окно одного из особняков, я определил нужный мне дом. Посреди толпы стоял высокий худощавый мужчина в темных очках (скорее всего, переодетый в штатское полицейский инспектор, подумал тогда я) и громко излагал свою версию случившегося, остальные молча прислушивались к его словам. Я попытался протиснуться к нему поближе, но то, что я услышал, показалось мне полной ахинеей, поэтому я решил не тратить на него время и с чувством, близким к отвращению, стал пробираться обратно. Сделав первый же шаг, я столкнулся с каким-то сторбленным стариком, который стоял позади меня. Из рук у него посыпались книжки. Помню, что, когда я стал их собирать, мне в глаза бросилось одно название — «Происхождение культа деревьев», и я тогда подумал, что этот старик, наверное, какой-нибудь бедный библиофил, который собирает старинные книги или приторговывает ими. Я начал было извиняться, но, похоже, книги, которые я имел неосторожность выбить у него из рук, представлялись их владельцу необычайно ценными, потому что он, не став меня слушать, что-то недовольно пробурчал, развернулся, и скоро его сторбленная спина и седые бакенбарды растворились в толпе.

Проведенный мной внешний осмотр дома номер 427 на Парк-лейн не привнес ясности в интересующее меня дело. Здание окружала невысокая стена с решеткой общей высотой не более пяти футов, так что кто угодно мог легко пробраться в сад. Но окно тем не менее было совершенно недосыгаемо, поскольку рядом с ним не было ни водосточной трубы, ни каких-либо выступов, и даже самый ловкий человек при всем желании не мог бы до него до-

браться по совершенно гладкой стене. Озадаченный больше прежнего, я пошел обратно в Кенсингтон. Придя домой, я направился к себе в кабинет, но не минуло и пяти минут, как вошла горничная и доложила, что какой-то человек хочет меня видеть. Я очень удивился, увидев перед собой не кого иного, как давешнего старика-библиофила. Густые седые бакенбарды почти скрывали его острое сухое лицо, под мышкой он держал по меньшей мере дюжину своих драгоценных книг.

— Что, не думали увидеть меня еще раз, сэр? — спросил он странным скрипучим голосом.

Я признался, что для меня это действительно несколько неожиданно.

— Понимаете, у меня-то совесть тоже имеется. Я ковылял себе спокойно по улице и случайно увидел, как вы вошли в этот дом. Тут я и подумал, что надо бы зайти к этому доброму джентльмену и сказать, что если я и вел себя чуток грубовато, то не со зла, и большое вам спасибо за то, что подобрали мои книги.

— Не стоило вам утруждаться из-за такого пустяка, — сказал я. — Но позвольте спросить, откуда вы меня знаете?

— Осмелюсь сказать, сэр, я ваш сосед. Мой книжный магазинчик вы найдете на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь решите заглянуть ко мне. А вы сами, часом, не собираете книги? А то у меня с собой есть кое-что, вот «Птицы Британии», Катулл*, «Священная война»... Все могу уступить по сходной цене. Пять томов как раз заняли бы вон то пустое место на второй полке, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я машинально оглянулся, чтобы посмотреть на книжный шкаф у себя за спиной, а когда повернул голову, перед моим рабочим столом стоял и улыбался Шерлок Холмс. Не сводя с него глаз, я медленно встал, молча постоял несколько секунд в полнейшем изумлении, после чего, должно быть, первый и последний раз в своей жизни лишился чувств. Перед глазами у меня поплыл серый туман, а когда я пришел в себя, воротник мой был расстегнут и на губах чувствовался терпкий вкус бренди. Надо мной с фляжкой в руке склонился Холмс.

— Дорогой мой Ватсон, — произнес такой знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я и представить себе не мог, что мое явление произведет на вас столь сильное впечатление.

12 Возвращение Шерлока Холмса

Я вцепился ему в руку.

— Холмс! Неужели это вы? — воскликнул я. — Вы живы! Но как? Неужели вам каким-то чудом удалось выбраться из той ужасной бездны?

— Подождите минутку, — сказал он. — Скажите сначала, вы уверены, что вы в силах разговаривать? Мое чересчур эффектное воскрешение сильно взволновало вас.

— Со мной все в порядке, но правда, Холмс, я не верю своим глазам. Боже мой, видеть вас... вас!.. снова в моем кабинете! — Я опять схватил его за рукав и нащупал худую жилистую руку. — По крайней мере вы не призрак, — сказал я. — Дружище, я так рад видеть вас. Садитесь, расскажите, как вам удалось остаться в живых в той адской бездне.

Он уселся напротив меня и с обычным бесстрастным видом закурил сигарету. Потрепанный сюртук пожилого торговца книгами все еще оставался на нем, но седые волосы и старые книги были свалены в кучу на столе. Холмс казался еще более худым, и взгляд его сделался еще более пронзительным, чем раньше, а неестественная мертвенная бледность его орлиного лица указывала на то, что образ жизни, который он вел в последнее время, не был полезен для его здоровья.

— Как приятно выпрямиться, Ватсон, — сказал он. — Высокому человеку не так-то просто зрительно уменьшить свой рост на целый фут, да еще и оставаться в таком виде несколько часов подряд. Но прежде, чем приступать к объяснениям, я, друг мой, хотел бы попросить вашей помощи — этой ночью мне предстоит тяжелая и опасная работа. Может быть, лучше отложить рассказ о том, что со мной произошло, до той минуты, когда эта работа будет завершена.

— Но я сгораю от любопытства. Мне бы очень хотелось услышать ваш рассказ прямо сейчас.

— Так вы пойдете со мной сегодня ночью?

— Куда угодно и когда угодно.

— Прямо как в старые добрые времена. Перед тем как идти, нужно перекусить. Теперь что касается той бездны. Спаситься мне было совсем не трудно по той простой причине, что я в нее не падал.

— Не падали?

— Да, Ватсон, не падал. Но мое послание вам было написано совершенно искренне. Увидев зловещую фигуру покойного про-